

Tove Jansson

ЗИМА МУМИ-ТРОЛЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Муми-тролли (новый перевод)

Тове Янссон

Зима Муми-тролля

«Азбука-Аттикус»

1957

УДК 087.5
ББК 84(4Фин)-44

Янссон Т. М.

Зима Муми-тролля / Т. М. Янссон — «Азбука-Аттикус»,
1957 — (Муми-тролли (новый перевод))

ISBN 978-5-389-14889-5

Зимой мир становится другим – белым, неподвижным, холодным. Кругом сугробы и лёд, а там, где росли яблоки, теперь растёт снег. Только всего этого Муми-троллю знать не полагается. Потому что с ноября по апрель все порядочные муми-тролли спят и видят сны. Но так уж вышло, что этой зимой Муми-тролль проснулся и не смог обратно заснуть. Поначалу зимний мир показался ему чужим и даже каким-то неправильным. Но Муми-тролль увидел снег, познакомился с Туу-тикки, которая поселилась в папиной купальне, повстречал Ледяную Даму, покатался с горки и даже побывал в самом сердце снежной бури. И вот удивительно: зимний мир оказался ничуть не хуже летнего. Муми-тролль стал первым муми-троллем, который прожил по-настоящему целый год. Хотя бы ради этого стоило проснуться посреди зимы! Книга, которую вы держите в руках, – настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

УДК 087.5
ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-389-14889-5

© Янссон Т. М., 1957
© Азбука-Аттикус, 1957

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тове Янссон

Зима Муми-тролля

Tove Jansson
TROLLVINTER

Copyright © Tove Jansson 1957 Moomin Characters ™

All rights reserved

Иллюстрации в тексте и на обложке *Тове Янссон*

© Е. Тиновицкая, перевод, 2018

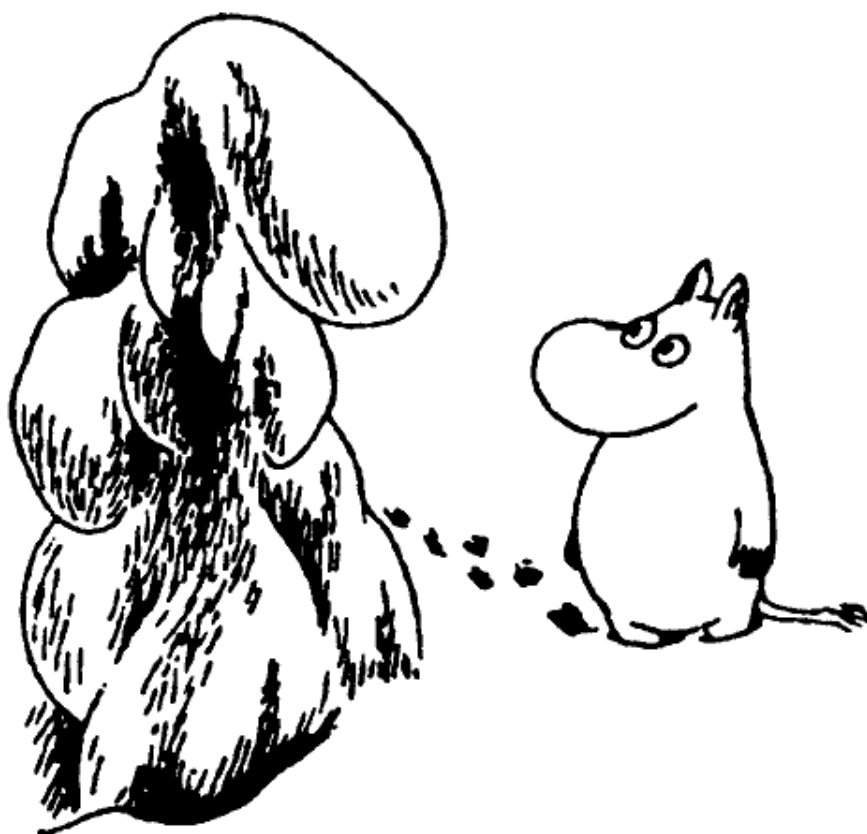
© М. Бородицкая, стихотворный перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

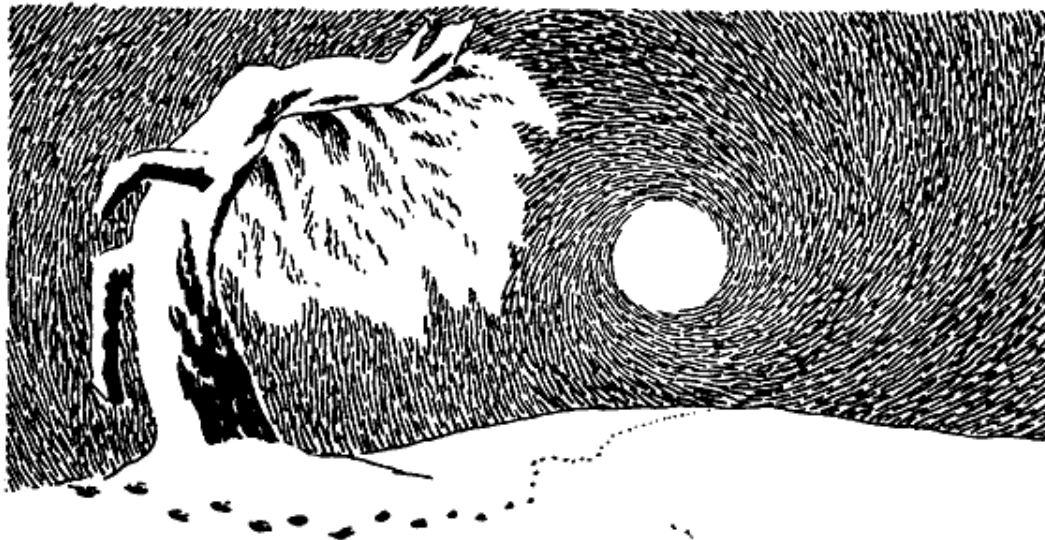

Маме

Глава первая

Гостиная под снегом

Небо было почти чёрное, но снег ярко голубел в лунном свете.

Море спало подо льдом, букашки и козявки глубоко под корнями деревьев видели сны о весне. Но до весны было ещё далеко: зима едва перевалила за новогодние праздники.

В том месте, где долина слегка выгибалась перед подъёмом в гору, стоял одинокий заснеженный домик, похожий на странной формы сугроб. Рядом с ним чернела, петляя в обледенелых берегах, речка; течение всю зиму не давало ей замёрзнуть. Но на мосту не видно было следов, и нанесённые ветром снега вокруг дома лежали нетронутыми.

И всё же внутри было тепло. В подвальной печи потихоньку горел торф. Луна заглядывала в окна, освещала мебель в белых зимних чехлах и хрустальную люстру, укрытую тюлем. В гостиной, где стояла большая изразцовая печка, спало всё муми-семейство.

С ноября по апрель муми-тролли спали: так поступали их предки, а муми-тролли чтят традиции. Как и предки, перед сном они набивают животы еловыми иголками и, думая уже о весне, стаскивают к кроватям всё, что может понадобится сразу после пробуждения: лопаты, увеличительные стёкла, кусочки фотоплёнки, анемометры и тому подобные полезные вещи.

Стояла тишина, исполненная спокойного ожидания.

Время от времени кто-нибудь вздыхал и поудобнее устраивался в нагретой ямке в матрасе.

Лунный свет скользнул с кресла-качалки на столик, переполз через медные шишечки в изголовье кровати и попал прямо в глаз Муми-троллю.

И тут случилось невиданное и неслыханное с тех самых пор, как первый из муми-троллей погрузился в зимнюю спячку. Муми-тролль проснулся и заснуть не смог.

Он посмотрел на луну и сверкающие кристаллики льда по ту сторону оконного стекла. Услышал, как потрескивает в подвале печь, и поднял голову. Любопытство охватывало его всё сильнее. Наконец он встал и пошлёпал к маминей кровати.

Муми-тролль осторожно потянул маму за ухо, но она не проснулась, а только плотнее свернулась калачиком.

«Если уж мама не просыпается, то остальных и вовсе бесполезно будить», – решил Муми-тролль и отправился дальше обследовать дом, сделавшийся чужим и таинственным. Часы давным-давно остановились, всё было покрыто слоем пыли. На столике в гостиной стояла плошка с остатками еловых иголок. Укутанная тюлем люстра тихонько позвякивала.

Муми-троллю вдруг стало страшно, и он замер. Стоя в тёплой темноте, куда не доставал лунный свет, он чувствовал себя одиноким и всеми покинутым.

– Мама! – Муми-троль подёргал Муми-маму за одеяло. – Проснись! Весь мир куда-то подевался!

Но мама не проснулась. В её сны о весне вкралось немного тревоги и беспокойства, но одолеть сон она не смогла. Муми-троль прилёг на коврике возле её кровати. А долгая зимняя ночь продолжалась.

Утром снег на крыше пришёл в движение. Он пополз вниз, повисел на краю крыши и мягко ухнул наземь.

Теперь все окна завалило снегом, только слабый серый отсвет пробивался сквозь стёкла в дом. Гостиная стала ещё таинственнее, как будто оказалась вдруг глубоко-глубоко под землёй.

Муми-тролль прислушивался, наострив уши, потом зажёл фонарь и подошёл к комоду – чтобы прочитать весеннее письмо Снусмумрика. Оно оказалось на своём всегдашнем месте, под трамвайчиком из морской пенки, и ничем не отличалось от предыдущих писем, которые Снусмумрик всегда оставлял ему в октябре, отправляясь на юг.

Вверху страницы шло крупным круглым почерком: «Привет». Само письмо было коротким:

«Приятных снов, не грусти. В первый тёплый день весны я снова к вам вернусь. Жди меня, будем с тобой строить плотину. Снусмумрик».

Муми-тролль перечитал письмо много раз и тут почувствовал, что проголодался.

Кухня, пустая и аккуратная, тоже оказалась как будто на глубине нескольких миль под землёй. Пуст был и чулан: нашлась только початая бутылка брусничного сока и полпачки сухариков.

Муми-тролль устроился под столом и принялся есть, то и дело перечитывая письмо.

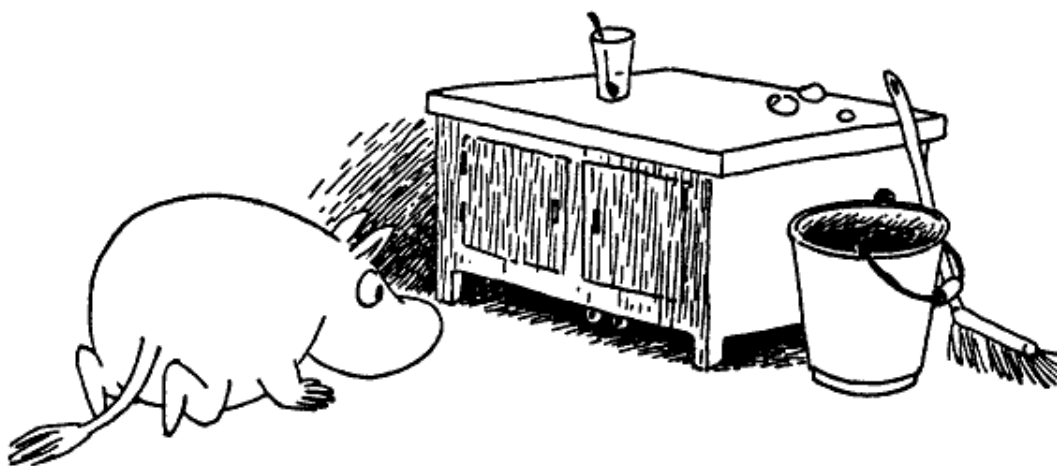
Потом он лёг на спину и стал разглядывать снизу доски столешницы. Было ужасно тихо.

– Привет, – прошептал Муми-тролль. – Приятных снов, не грусти. В первый тёплый день весны... – проговорил он чуть громче, а потом запел во всё горло: – Я снова окажусь у вас! Снова окажусь у вас, и будет весна и тепло, я буду здесь, и мы пойдём туда, и ещё сюда, и пробежим по всем дорожкам...

Он оборвал песню на полуслове, заметив, что из-под кухонной тумбочки на него смотрят два глаза.

Муми-тролль в ответ уставился на них. В кухне опять стало очень тихо. Так же тихо, как раньше. Потом глаза пропали.

– Стой! – вскричал Муми-тролль. Он подполз к тумбочке и тихонько позвал: – Выходи, не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Выходи же...

Но кто бы ни жил под тумбочкой, он больше не появился. Муми-тролль разложил на полу остатки сухариков и налил в блюдце немножко брусничного сока.

В гостиной хрусталики на люстре печально позвякивали.

– Я ухожу, – сурово сказал Муми-тролль хрусталикам. – Надоели вы мне все. Пойду на юг, навстречу Снусмумрику.

Он толкнул входную дверь, но она примёрзла.

Бедный Муми-тролль, повизгивая, перебегал от одного окна к другому, но они тоже все замёрзли. Тогда он взбежал наверх, толкнул чердачное окошко и выбрался на крышу.

Морозный воздух принял его в свои крепкие объятия.

У Муми-тролля перехватило дыхание, он поскользнулся и покатился с крыши. И беспомощно рухнул в новый опасный мир, и утонул в первом в своей жизни сугробе. Снег неприятно покалывал бархатную шкурку, а в нос ударил новый запах. Он был острее, чем все прежние, и даже немножко пугал. Но этот запах стряхнул остатки сна и разбудил любопытство.

Густой серый сумрак покрывал всю долину. Сама долина из зелёной стала белой. Всё, что раньше двигалось, сделалось неподвижным. Все живые голоса исчезли. Все углы скруглились.

– Снег, – прошептал Муми-тролль. – Я помню, мама говорила. Ей рассказывали, что такое бывает. Это называется снег.

Бархатная шёрстка Муми-тролля пустилась в рост, хотя он об этом не подозревал. Она решила постепенно сделаться зимней шубкой. Ей предстояла долгая работа, но решение было принято. А это всегда хорошо.

А сам Муми-тролль, с трудом пробираясь сквозь сугробы, дошёл до реки. До той самой реки, которая летом была прозрачной и, сверкая, пробегала через сад. Теперь она стала совсем другой. Чёрная и равнодушная, она тоже была частью нового, чужого мира.

Муми-тролль на всякий случай осмотрел мост. Осмотрел почтовый ящик. Они остались прежними. Он приподнял крышку почтового ящика: внутри нашёлся только сухой осенний лист без единой буквы.

Запах зимы, к которому Муми-тролль начал привыкать, уже не казался таким острым.

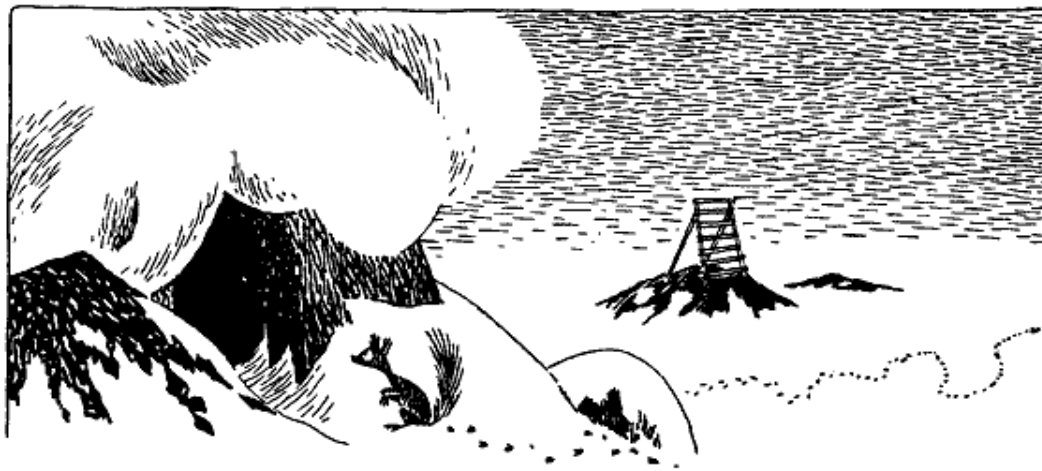
Муми-тролль посмотрел на куст жасмина, на торчащие как попало голые ветки и подумал с ужасом: «Он умер. Весь мир умер, пока я спал. Этот мир – не мой, и я не знаю, чей он. Может, Моррин. Муми-тролли в таком не живут».

На миг он задумался, но потом решил, что сидеть одному в спящем доме ещё хуже.

Он ступил на нетронутый снег на мосту и зашагал вверх по склону. Это были маленькие, но решительные шаги, и они вели мимо деревьев прямо на юг.

Глава вторая

Туу-тиккина купальня

Ближе к морю, чуть западнее, прыгала туда-сюда по снегу белочка. Это была довольно глупенькая белочка. В мыслях она называла себя Белочкой-с-красивым-хвостиком. Но мыслей у неё было немного, и они не задерживались в голове. Белочка больше полагалась на ощущения и запахи. Как раз сейчас она ощутила, что матрасик у неё в дупле стал жестковат, и отправилась на поиски нового.

Время от времени она бормотала себе под нос: «Матрасик...» – чтобы не забыть, за чем идёт. А то всё так легко забывается.

Белочка скакала, перекрещивая следы, то в просветы между деревьями, то на лёд, совала нос в снег и задумывалась, смотрела на небо, качала головой и прыгала дальше.

В конце концов она допрыгала до грота и заглянула туда. Но за такую долгую дорогу она растеряла все мысли и совершенно забыла про матрасик. Поэтому она уселась на хвост и стала думать, что её можно называть ещё Белочкой-с-красивыми-усиками.

В гроте, за сугробом, закрывающим вход, пол был завален соломой. На соломе стояла картонная коробка с крышкой. В крышке была проделана дырочка для воздуха.

– Странно, – удивилась белочка. – Этой коробки тут раньше не было. Что-то не так. Может, это вообще не тот грот? Или я – не та белочка? Нет, вряд ли.

Она отгрызла от крышки уголок и сунула голову внутрь.

Там, в тепле, она наткнулась носом на что-то мягкое и приятное и сразу вспомнила про матрасик. Острыми зубками она прогрызла в мягком дырку и вытянула наружу клочок шерсти.

Клочок за клочком она выдернула из этого мягкого целую охапку шерсти и радостно зарылась в неё всеми четырьмя лапами. Ей было очень весело.

Вдруг кто-то чуть не цапнул её за лапку – и цапнул бы, если бы белочка не вылетела молнией из коробки. Она на секунду растерялась, но потом решила, что ей не очень страшно, а скорее любопытно.

Спустя мгновение из дырки показалась лохматая голова.

– У тебя ум есть или как? – сердито спросила малышка Мю.

– Не знаю. Вряд ли, – честно сказала белочка.

– Ты меня разбудила! – выговаривала Мю. – И прогрызла мой спальный мешок. Ты вообще что творишь?

Но белочка от изумления снова забыла про матрасик.

Мю фыркнула и окончательно выбралась из коробки. Прикрыла крышкой оставшуюся внутри сестру и пошла пощупать снег.

– Вот он, значит, какой, – проговорила она. – Придумают же.

Она тут же слепила снежок и метко швырнула его в белочку. А потом вылезла из грота и отправилась исследовать зиму. И первым делом поскользнулась и с размаху шлёпнулась на обледенелую скалу.

– Ах вот, значит, как! – с угрозой проговорила Мю. – Поня-а-атно!

Но тут она представила, как выглядит со стороны – мюмла вверх тормашками, – и долго смеялась. Потом оглядела скалу и задумалась. Проговорила: «Ага-а» – и проехала на попе весь склон, подпрыгивая на ухабах, до самого низа, туда, где блестел лёд.

Малышка Мю повторила трюк ещё шесть раз, пока не заметила, что замёрзла.

Тогда она вернулась в грот и вытряхнула из картонной коробки спящую сестру. Мю никогда не видела санок, но решила, что коробка – то, что ей нужно.

Белочка между тем сидела в лесу и растерянно переводила взгляд с одного дерева на другое.

Она никак не могла вспомнить, где живёт, что ищет и как вообще тут оказалась.

Муми-тролль не успел уйти далеко на юг – тьма под деревьями начала сгущаться.

Лапы всё глубже утопали в снегу, и снег уже поднадел.

Лес был неподвижен и тих. Время от времени слетал с ветки на землю снежный ком. Ветка на миг качнётся, и снова всё становится безжизненным.

«Весь мир впал в спячку, – думал Муми-тролль. – Один я не смог заснуть. Так и буду тут бродить целыми днями и неделями, пока сам не превращусь в сугроб, и никто меня никогда не узнаёт».

И тут лес расступился, и внизу открылась новая долина, и на другой стороне Муми-тролль увидел Одинокие горы. Они волнами стремились к югу, ещё более одинокие, чем раньше.

Теперь Муми-троллю стало по-настоящему холодно. Вечерний сумрак ползком поднимался со дна долины и медленно взбирался по обледенелому горному хребту. Снег на чёрных скалах был похож на острые белые клыки. Кругом белизна, чернота, пустота – сколько хватает глаз.

– Там, за горами, – Снусмумрик, – сказал Муми-тролль. – Сидит себе и ест апельсины. Если б я знал, что он знает, что я иду к нему через все эти вершины, я бы полез. А когда ты совсем один, ничего не выйдет.

Муми-тролль повернулся и пошёл по собственным следам обратно.

«Переведу все часы, – думал он. – Может, тогда весна наступит быстрее. А может, я что-нибудь случайно разобью, и тогда кто-нибудь проснётся».

Но он знал, что никто не проснётся.

И вдруг он заметил кое-что. С цепочкой его следов пересеклась цепочка следов помельче. Муми-тролль долго стоял и смотрел на них. Кто-то живой проходил через лес не больше полу-часа назад. Вряд ли он успел далеко уйти. Этот кто-то шёл в долину и был меньше, чем сам Муми-тролль. Следы почти не проваливались в снег.

Муми-тролля бросило в жар от ушей до кончика хвоста.

– Подожди! – закричал он. – Не бросай меня!

Он побрёл по снегу, спотыкаясь и издавая жалобные звуки, и тут его охватил страх темноты и одиночества.

Этот страх, видно, прятался где-то с того момента, как Муми-тролль проснулся в спящем доме, но только теперь Муми-тролль достаточно осмелел, чтобы испугаться по-настоящему.

Он больше не кричал – боялся остаться без ответа. Он не смел поднять морду от следов, которые едва виднелись в темноте. Он брёл, полз и жалобно подвывал.

И внезапно увидел свет.

Это был маленький огонёк, но он наполнил весь лес ласковым оранжевым сиянием.

Муми-тролль успокоился. Он забыл про следы и медленно пошёл вперёд. И шёл, пока не увидел, что в снегу горит обыкновенная стеариновая свечка. Вокруг неё высился слепленный из снежков островерхий домик. Снежки были прозрачные и светились оранжевым, как абажур ночника у него дома.

За фонарём кто-то выкопал ямку в сугробе и лежал в ней, глядя в суровое зимнее небо, и насвистывал – тихо, себе под нос, но насвистывал же!

– Что это за песня? – спросил Муми-тролль.

– Это песня про меня, – донеслось из сугроба. – Песня про Туу-тикки, которая слепила из снега фонарь. Но припев будет совсем про другое.

– Понятно, – сказал Муми-тролль и сел в снег.

– Ничего тебе не понятно, – заметила Туу-тики дружелюбно и приподнялась, так что стала видна её полосатая красно-белая курточка. – В припеве поётся о том, что понять невозможно. Я как раз думала про северное сияние. Неизвестно, правда оно есть или только кажется. Ничего-то мы толком не знаем, и от этого мне спокойнее.

Она снова опустила в свою ямку и стала смотреть в небо, уже совсем чёрное.

Муми-тролль приподнял нос и увидел северное сияние, которого не видел до него ни один муми-тролль. Оно было синее, белое и немножко зелёное и колыхалось длинными складками, занавешивая небо.

– Оно правда есть, я его вижу, – сказал Муми-тролль.

Туу-тики не ответила. Она подтянулась к фонарю и достала из него свою свечку.

– Заберём домой, – сказала она. – А то всё равно придёт Морра и усядется на неё.

Муми-тролль покивал. Морру он видел один-единственный раз, августовской ночью, давным-давно. Она забила под куст сирени, ледяная, серая, и просто смотрела на них. Но как смотрела! А когда ушла, оказалось, что там, где она сидела, замёрзла земля.

Муми-тролль задумался: не оттого ли и случилась зима, что десять тысяч морр вдруг взяли и разом уселись на землю? Но он решил поговорить об этом потом, когда познакомится с Туу-тики поближе.

Пока они взбирались на холм, в долине посветлело, и Муми-тролль увидел – вышла луна.

Муми-дом спал в одиночестве за мостом. Но Туу-тики свернула через пустой сад к западу.

– Здесь росли яблоки, – сказал Муми-тролль, чтобы поддержать разговор.

– А теперь здесь растёт снег, – рассеянно заметила Туу-тики, продолжая путь.

Они вышли на морской берег, где была одна сплошная темень, и осторожно ступили на мостки, ведущие к купальне.

– А здесь я всегда нырял, – шепнул Муми-тролль, глядя на жёлтый изломанный тростник, торчащий из-под льда. – Однажды я прогреб под водой целых девять раз. Тогда было тепло...

Туу-тики открыла дверь купальни. Она зашла внутрь и поставила свечу на круглый столик, который Муми-папа выловил из моря давным-давно.

В восьмиугольной купальне всё было как раньше: пожелтевшие доски с «глазками» сучков, красные и зелёные стёкла в маленьких окнах, узкие лавки, шкаф для купальных халатов и резиновый хемуль, которого никогда не удавалось надуть до конца.

Всё было точь-в-точь как летом. И всё же что-то изменилось. Непонятно.

Туу-тики сняла шапочку, и та тут же вскарабкалась по стене и сама повесилась на гвоздь.

– Вот бы и мне такую, – сказал Муми-тролль.

– Тебе вообще не нужна шапка, – ответила Туу-тики. – Шевели ушами, тогда не замёрзнешь. А вот лапы – другое дело.

Два шерстяных носка прошествовали по полу и предстали перед Муми-троллем.

Тут же вспыхнул огонь в трёхногой железной печке, и под столом кто-то тихонько заиграл на флейте.

– Она стесняется, – объяснила Туу-тики. – Поэтому играет из-под стола.

– А почему её не видно?

– Они такие застенчивые, что стали невидимыми, – сказала Туу-тики. – Земле-ройки-бурузубки, их тут восемь. Делят со мной кров.

– Это папина купальня, – заметил Муми-тролль.

Туу-тики серьёзно посмотрела на него:

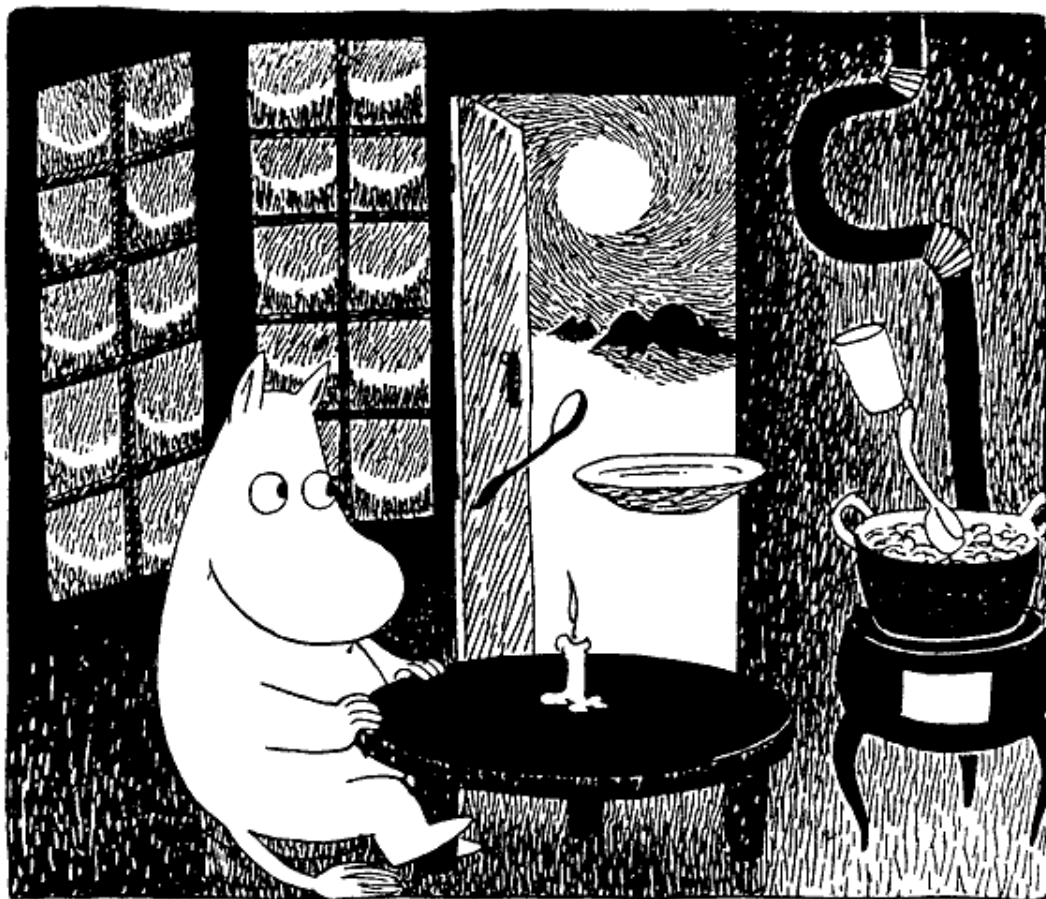
– Отчасти ты прав, а отчасти нет. Летом она папина, а зимой – Туу-тикина.

В горшке на железной печке закипело. Крышка приподнялась, ложка помешала суп. Вторая ложка добавила в него соли и плавно вернулась на подоконник.

К вечеру мороз усилился, в красно-зелёных окошках ярче заблестела луна.

– Расскажи мне про снег, – попросил Муми-тролль, присев на папин облезлый садовый стул. – Я что-то ничего про него не пойму.

– Я тоже, – сказала Туу-тики. – Кажется, что он холодный, но если построить из него дом, внутри будет тепло. Кажется, что он белый, но может быть и красноватым, и синим. Он бывает и мягкий-премягкий, и твёрдый как камень. Ничего нельзя сказать наверняка.

Тарелка рыбного супа осторожно проплыла по воздуху и опустилась на стол перед Муми-троллем.

– Как твои бурозубки научились летать? – спросил Муми-тролль.

– Слушай, – сказала Туу-тикки. – Не стоит задавать столько вопросов. Некоторые любят хранить свои тайны при себе. Думай поменьше про бурозубок, и про снег тоже.

Муми-тролль принялся за суп.

Он ел и задумчиво смотрел на угловой шкафчик. Как приятно знать, что там висит его собственный старый халат, что посреди всего этого нового и тревожного есть что-то надёжное и домашнее! Он помнил, что халат синий, с оторванной петелькой и в кармане должны лежать очки от солнца.

Наконец он проговорил:

– Вон там мы держим халаты. Мамин – в самой глубине.

Туу-тикки протянула лапу и схватила плывущий по воздуху бутерброд.

– Спасибо, – сказала она бурозубкам и обратилась к Муми-троллю: – Этот шкаф ни в коем случае нельзя открывать. Пообещай, что не будешь.

– Не буду я ничего обещать, – мрачно проговорил Муми-тролль, глядя в тарелку.

Он вдруг почувствовал, что больше всего на свете ему хочется открыть дверцу и убедиться, что халат там, в шкафу. Огонь пылал так, что в печной трубе загудело. В купальне было тепло, из-под стола по-прежнему одиноко пела флейта.

Невидимые лапы унесли тарелки. Свеча догорела, превратилась в стеариновую лужицу, в которой плавал фитиль, и теперь свет исходил только от красного глаза печки и от бликов красно-зелёных окошек на полу.

– Я пойду спать домой, – сердито сказал Муми-тролль.

– Хорошо, – сказала Туу-тики. – Луна ещё не зашла, так что дорогу найдёшь.

Дверь сама собой открылась, и Муми-тролль шагнул в снега.

– И всё-таки, – сказал он на прощание, – чтоб вы знали, в шкафу висит мой синий купальный халат. Спасибо за суп.

Дверь закрылась, и вокруг снова остались только лунный свет и тишина. Муми-тролль покосился на лёд, и ему показалось, что он видит, как по берегу ползёт огромная неуклюжая Морра.

Морра поджидала за валунами на берегу. И когда Муми-тролль шёл через лес, тень Морры упрямо кралась за деревьями. Морры, которая садится на свечи, от которой блёкнут все цвета.

Наконец Муми-тролль добрался до своего спящего дома. Он медленно вскарабкался на большой сугроб с северной стороны и влез в чердачное окошко – оно так и стояло приоткрытым.

В доме было тепло, пахло муми-троллями, и когда Муми-тролль сделал шаг, люстра знакомо зазвенела. Он стянул свой матрас на пол и подтащил к маминой кровати. Мама тихонько вздохнула во сне и что-то пробормотала. Потом она засмеялась про себя и придвинулась поближе к стене.

«Я больше не принадлежу этому миру, – подумал Муми-тролль. – И тому тоже. Я не знаю, где сон и где явь».

И он моментально заснул, и летняя сирень распахнула над ним свою дружескую зелёную тень.

Недовольная малышка Мю лежала в проеденном спальнике. К вечеру поднялся холодный ветер, он задувал прямо в грот. Мокрая коробка прорвалась в трёх местах, утеплитель из спальника летал туда-сюда.

– Эй, старушка! – крикнула малышка Мю и ткнула Мюмлу в спину. Но та крепко спала и даже не шевельнулась.

– Я сейчас разозлюсь, – предупредила малышка Мю. – В кои-то веки понадобилась сестра – и здравствуйте вам!

Она пинками расшвыряла остатки спальника, подползла к входу в грот и теперь с восторгом вглядывалась в холодную тьму.

– Вот я вам покажу... – пробормотала малышка Мю сурово и поехала по склону вниз.

Снаружи было пустынное, чем на краю света, если бы кому-нибудь удалось туда добраться. Снег с тихим шёпотом подметал лёд большими серыми метёлками. Берег терялся во тьме – луна уже зашла.

– Уж поехала так поехала, – сказала малышка Мю, победно развевая юбкой на злом северном ветру. Она неслась, огибая сугробы, и крепко стояла на ногах, как это свойственно мюмлам.

К тому времени как малышка Мю проехала по льду мимо купальни, свеча на столике давно догорела. Мю увидела только острую крышу на фоне тёмного неба. Но она даже не успела подумать: «Это наша старая купальня». Она принялась к острому, опасному запаху зимы, остановилась и прислушалась. В Одиноких горах, далеко-далеко, выли волки.

– Да, дело серьёзно... – проговорила малышка Мю и ухмыльнулась во тьме. Нюх подсказывал ей, что где-то тут проходит дорога в Муми-долину, к Муми-дому, в котором наверняка найдутся тёплые одеяла, а может, даже новый спальник. Она, не задумываясь, вернулась к берегу и нырнула в просвет между деревьями.

Она была такая маленькая, что почти не оставляла следов.

Глава третья Великая стужа

Часы снова шли. Чтобы было не так одиноко, Муми-тролль завёл их все. Поскольку неизвестно было, который час, он завёл их на разное время – может, хоть с одними да угадает.

Иногда часы начинали бить, порой звонил будильник, и от этого немного легче было. Но Муми-тролль никак не мог смириться с ужасным открытием: оказалось, что солнце больше не встаёт. Каждое утро светало до серых сумерек, а через какое-то время всё погружалось в длинную зимнюю ночь – но солнце не показывалось. Оно просто исчезло, может, укатилось в космос. Поначалу Муми-тролль не хотел этому верить. Он ждал.

Каждый день он приходил на берег и садился мордой к востоку. Но ничего не происходило. Тогда он возвращался домой, закрывал за собой чердачное окошко и зажигал на краю изразцовой печки несколько свечей. Тот, кто жил под тумбочкой на кухне, так ни разу и не вышел поесть, но, похоже, продолжал жить своей загадочной и замечательной жизнью. Морра бродила по льду, исполненная собственных мыслей – о чём только она размышляла? В купальном шкафчике за халатами притаился неизвестно кто...

И ничего с ними не поделаешь. Все они зачем-то да существуют, и тебе остаётся только смириться.

Муми-тролль нашёл на чердаке большую коробку вырезных картинок и, не в силах оторваться, с тоской вглядывался в их летнюю красоту. На них были цветы, рассветы, вагончики с весёлыми разноцветными колёсами – блестящие и безмятежные картинки, напоминающие о безвозвратно утраченном мире.

Сначала Муми-тролль разложил их на полу в гостиной. Потом решил наклеить на стены. Он делал это медленно и аккуратно, чтобы занятия хватило надолго, и самые красивые приклеил над маминой кроватью.

Муми-тролль уже дошёл со своими картинками до зеркала, когда вдруг заметил, что большой серебряный поднос исчез. Он всегда висел справа от зеркала на вышитой красным крестиком ленте, а теперь осталась только ленточка и тёмный овал на обоях.

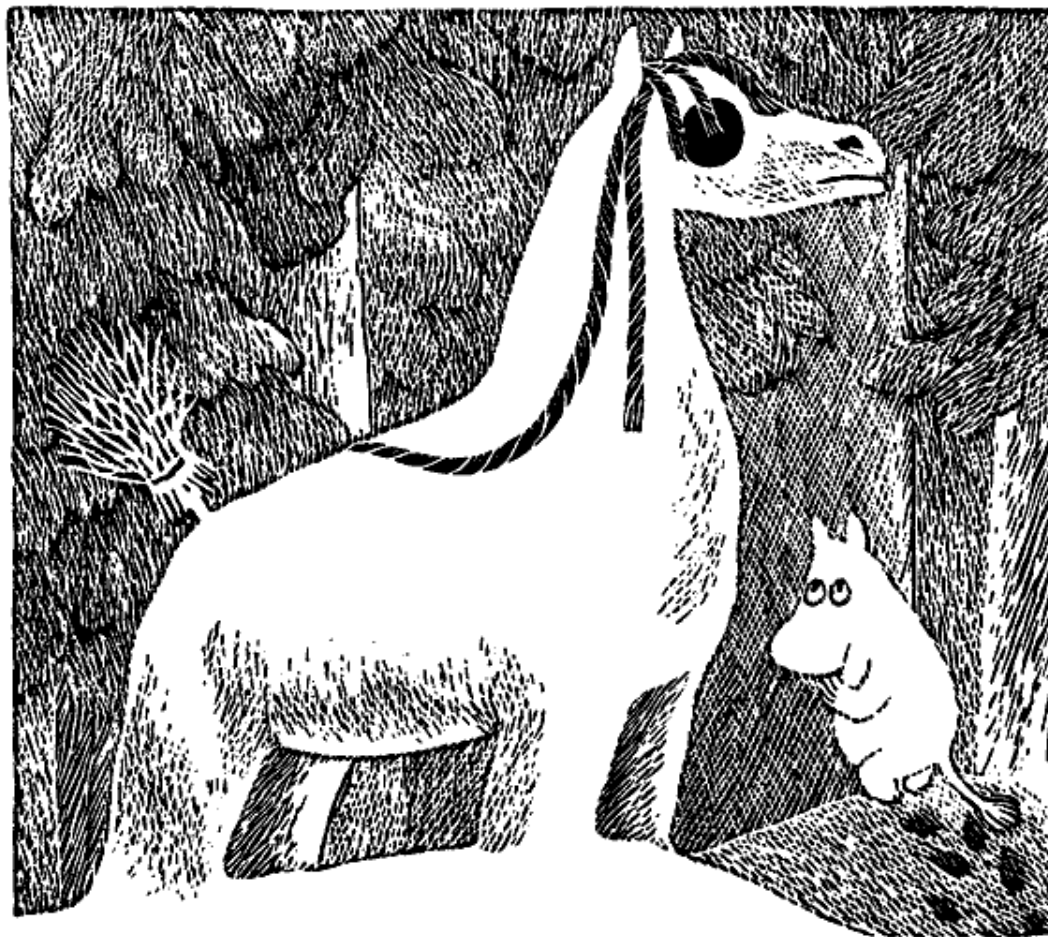
Муми-тролль страшно расстроился – он знал, что это мамин любимый поднос. Это была семейная драгоценность, которой никогда не пользовались, единственная вещь, которую начищали перед Рождеством.

Муми-тролль в тревоге забегал по дому, разыскивая поднос. Тот так и не нашёлся, зато оказалось, что пропало ещё много вещей: подушки, одеяла, сахар, мука, кастрюли. И даже вышитая грелка на чайник со всеми своими розочками.

Муми-тролль очень переживал – он чувствовал ответственность перед спящим семейством за эти пропажи. Сначала он заподозрил существо из-под кухонной тумбочки. Потом подумал на Морру, потом на того, кто живёт в купальном шкафу. На самом деле похитителем мог оказаться кто угодно – зима кишмя кишела странными существами, от которых всего можно было ожидать.

«Надо спросить у Туу-тики, – решил Муми-тролль. – Вообще-то я собирался наказать солнце и не выходить, пока оно не вернётся. Но теперь не до этого».

Когда Муми-тролль вышел в серый сумрак, у крыльца обнаружилась незнакомая белая лошадь. Лошадь смотрела на Муми-тролля блестящим глазом. Он осторожно поздоровался, но лошадь даже не шевельнулась.

Тогда Муми-тролль заметил, что она из снега. Вместо хвоста был веник из дровяного сарая, вместо глаз – маленькие зеркальца. Муми-тролль увидел своё отражение в лошадином глазу, отшатнулся и торопливо отбежал к голому жасминовому кусту.

«Встретить бы хоть одного знакомого из прежней жизни, – подумал Муми-тролль. – Кого-нибудь нормального, а не таинственного. Кого-то, кто тоже проснулся и ничего не понимает. Чтобы можно было сказать ему: „Вот это холодина, а? А снег – ну и странный же он!“

А видел, во что превратился жасмин? А помнишь, прошлой весной...“ Или ещё что-нибудь в этом роде».

Туу-тики сидела на перилах моста и распевала:

Я, Туу-тики, вылепила лошадь,
Быструю, дикую белую лошадь,
Ту, что по льду унесётся галопом —
Гулким галопом в ночной тишине,
Белую стужу помчит на спине¹.

Затем последовал какой-то невообразимый припев.

— Ты это к чему? — мрачно поинтересовался Муми-тролль.

— К тому, что вечером мы её обольём водой из реки, — ответила Туу-тики. — Ночью она застынет, а когда наступит великая стужа, ускачет и никогда больше не вернётся.

Муми-тролль помолчал. Потом сказал:

— У нас из дома кто-то таскает вещи.

— Это же хорошо, — откликнулась довольная Туу-тики. — А то у тебя слишком много вещей. И ты слишком много о них думаешь и слишком часто их вспоминаешь.

И она запела второй куплет.

¹ Перевод Марины Бородинской.

Муми-тролль развернулся и пошёл прочь. «Она меня не понимает», – подумал он. Торжественная песня позади продолжилась как ни в чём не бывало.

– Давай-давай, пой, – сердито бормотал Муми-тролль, чуть не плача. – Пой про свою противную зиму, которая вся из чёрного льда, про невоспитанных лошадей и про этих странных, которые только прячутся и никогда не показываются!

Он побрёл вверх по склону, пиная снег, с застывающими на морде слезами, и вдруг запел свою собственную песню.

Он вопил и горланил назло Туу-тики – пусть слышит!

Вот такая у него получилась сердитая летняя песня:

Ужасные животные, не знающие дня,
Которые упрятали всё солнце от меня,
Я так устал шататься в снегу совсем один,
Тоскую я напрасно по зелени долин.
Я помню дом без снега и синий блеск волны
И жить я не желаю среди вашей белизны!²

– Пусть только солнце выглянет и поглядит на вас, тогда поймёте сами, что все вы дураки! – кричал Муми-тролль, не заботясь уже о рифме и ритме. – Я здесь лежал на солнышке и грел песком живот, и окна можно было открывать хоть целый день, в саду жужжали пчёлы, а сверху в синеве сияло моё собственное солнце оранжевого цвета!

Когда ответная песнь Муми-тролля закончилась, наступила ужасающая тишина.

Муми-тролль стоял в тишине и прислушивался, но никто ему не отвечал. Ну должно же что-то произойти, подумал он, весь дрожа. И что-то произошло.

С вершины холма кто-то понёсся вниз, окружённый сверкающим снежным потоком, крича:

– С дороги! Берегись!

Муми-тролль стоял неподвижно и лишь смотрел.

Прямо на него летел серебряный поднос, а на подносе – пропавшая грелка на чайник. «Туу-тики облила их водой, – подумал он в ужасе, – они ожили и поскакали прочь и никогда больше не вернутся...»

² Перевод Евгении Тиновитской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.